

81%D1%81%D0%B8%D0%BA%D0%B0/%D0%9C%D0%B0%D0%BC%D0%B8%D0%BD-%D0%A1%D0%B8%D0%B1%D0%B8%D1%80%D1%8F%D0%BA_%D0%94_%D0%9D/%D0%97%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D1%82%D0%BE/15#p972. – Дата доступа: 17.06.2024.

4. Mitchell, M. Gone with the Wind [Electronic resource] / M. Mitchell // BooksCafe. – Mode of access: https://bookscafe.net/read/mitchell_margaret-gone_with_the_wind-140675.html?ysclid=lsqvaq1kff606347458. – Date of access: 17.06.2024.

5. Тургенев, И. С. Первая любовь [Электронный ресурс] / И. С. Тургенев // Интернет Библиотека Алексей Комарова. – Режим доступа: <https://ilibrary.ru/text/1335/p.9/index.html>. – Дата доступа: 16.07.2024.

6. Толстой, Л. Н. Война и мир [Электронный ресурс] / Л. Н. Толстой // 100 лучших книг всех времен. – Режим доступа: https://uzts.uz/wp-content/uploads/2020/08/tolstojvojnaimirtom_1_2..pdf. – Дата доступа: 16.07.2024.

7. Місько, П. Чэрці ў коміне [Электронны рэсурс] / П. Місько // Лабораторія Фантастыкі. – Рэжым доступу: <https://fantlab.ru/edition111455?ysclid=lw959b289p525758673>. Дата доступу: 04.08.2024.

УДК 811'42:001

О. Н. Чалова

ПРАГМАТИКА ССЫЛОК НА ВЕРУ В НАУЧНОМ ДИАЛОГЕ

Работа посвящена выявлению прагматических возможностей высказываний с эпистемическим модусом веры, представленных в научном диалоге. Актуальность подобного анализа обусловлена настоящей необходимостью всестороннего изучения (в том числе, в свете эпистемики и прагматики) такого важного в социальном и лингвистическом отношении феномена, как диалогическая научная коммуникация.

Ключевые слова: дискурс, научный дискурс, научный диалог, модус, ссылка на веру.

До сих пор феномен веры исследовался в лингвистике лишь фрагментарно, и как правило с когнитивных позиций, в основном в религиозном аспекте [1–3 и др.]. Проблема как религиозной, так

и нерелигиозной веры поднимается исследователями сообщества «Логический анализ языка», где она анализируется с лексической, синтаксической, интонационной и лингвокультурологической точек зрения, на материале повседневного и религиозного дискурса [4]. В научном же дискурсе вера рассматривается только в отдельных трудах [5], что обусловлено периферийным статусом веры в данной дискурсивной сфере и ее представленностью лишь в отдельных жанрах научной коммуникации, в частности в научной дискуссии.

Устная научная дискуссия является уникальным жанром научного дискурса, поскольку в силу своей специфики (ярко выраженной диалогичности, полемичности, спонтанности и проч.) она способна менять традиционное речевое поведение субъектов научного познания, приводить к модификации первичных параметров научного дискурса, в том числе и эпистемических. Именно под влиянием диалогических условий в научной дискуссии активизируется зона веры (на фоне более традиционных компонентов эпистемического пространства научного дискурса, к которым относятся знание и мнение [5]), что проявляется в функционировании различных **высказываний с модусом веры / ссылки на веру / апеллий к вере** (содержащих предикат *верить* / *believe* и подобные эпистемические лексемы).

Корпус нашего **исследовательского материала** (стенограммы современных русско- и англоязычных научных дискуссий различных областей научного знания), а также использование **метода контекстуального анализа** показывает, что в научном диалогическом дискурсе обнаруживаются два вида веры и, соответственно, два вида высказываний с модусом веры (с точки зрения их общего содержания): а) апеллирующие к интеллектуально-оценочной вере (веремнению или вере-предположению: *Now, an implication that comes out of my distinction between the mild and the strong interpretations is a message for leaders of religious faith communities, I believe*), и б) репрезентирующие веру-убеждение (в том, числе веру во что-либо или доверие кому-либо: ***Я верю в то, что правда сама по себе дает очень многое, она ценна сама по себе, и работать в эту сторону надо***). Первые имеют семантику полагания, демонстрируют не полную, а относительную уверенность говорящего в справедливости высказываемой пропозиции, прочно ассоциируются с принципами институционального общения. Вторые описывают собственно веру, содержат волевые компоненты, подчеркивают отсутствие сомнений со стороны субъекта веры в истинности своего суждения даже при очевидном недостатке аргументов. Оба вида веры в большей или

меньшей степени эмоциональны по своей природе, что обусловлено семантикой глагола *верить* / *believe*, который даже в случае содержательного сближения с глаголами мнения (*считать*, *полагать*, *think*, *consider* и др.) подчеркивает большую степень субъективности суждения, чем типичные глаголы мнения [6].

По нашим наблюдениям, высказывания с модусом веры отличаются не только по общему содержанию, но и по своим прагматическим свойствам. В связи с этим *целью* настоящей работы является характеристика ссылок на веру (апелляций к вере) с опорой на разные прагматические параметры. *Актуальность* такого анализа обусловлена необходимостью рассмотрения различных видов высказываний сразу в нескольких аспектах, в данном случае – эпистемическом и прагматическом, в их тесной связи, а также важностью изучения научного диалога как социально и лингвистически значимого феномена.

Наиболее значимыми *параметрами описания* апелляций к вере в научном диалогическом дискурсе можно считать следующие.

1. Степень эмоциональной окрашенности.

Как мы установили выше, любое высказывание с модусом веры и в любом типе дискурса, в том числе и научном, отличается эмоционально-оценочным характером, что детерминировано особенностями плана содержания соответствующих эпистемических лексем, в частности предиката *верить* / *believe*, который всегда и независимо от оттенков своего значения указывает на определенное эмоциональное (а не только ментальное) состояние субъекта [6, с. 175]. При этом понятно, что степень эмоциональной окрашенности ссылок на веру-убеждение выше, чем апелляций к вере-мнению.

Эмоциональный фон общения может повышаться еще больше в том случае, если высказывания с модусом веры приобретают дополнительные характеристики, например вместо глагола *верить* / *believe* как доминирующего предиката группы веры-неверия включают другие лексемы, наподобие слов *доверять* / *доверить*, *вера*, *разувериться*, *belief*, *unbelievable* и др., которые являются маркерами эмоциональной оценки более высокой степени интенсивности (*Меньше всего, кстати, доверяют институтам – и особенно новым, демократическим: две трети общества не верят действующей политической системе*), или обогащаются дополнительными эмоционально маркированными лексемами, единицами, фиксирующими различные виды эмоций – страха, удивления и т. д. (*Initially, I'll be honest with you, I was terrified going in as a scientist into this environment, being on their board, being other things because I couldn't believe – I couldn't see*

how a group of ladies, 99 percent ladies, most of which with no scientific background, could be of any help in leading the fight against cancer. Now I've been five years with them, I've learned so much from them it's unbelievable) и проч.

Таким образом, высказывания с модусом веры, обнаруживающиеся в научной диалоге, могут быть локализованы на разных участках шкалы эмоциональной оценки, где наибольшей эмоциональной окрашенностью и, соответственно, прагматической усложненностью характеризуются ссылки на веру-убеждение в сочетании с дополнительными эмоционально-оценочными единицами: такие речевые действия, пронизанные эмоциональными включениями, позволяют участникам научного общения оказывать более сильное воздействие как на интеллектуальную, так и эмоциональную сферу адресата, интереснейшим образом оперировать (а возможно, и манипулировать) информацией, демонстрировать высокую степень собственной эмоциональной вовлеченности в обсуждение.

2. Степень категоричности.

Если под **категоричными** понимать высказывания, отличающиеся безапелляционным характером и не допускающие возражений, то наибольшую степень категоричности в научном диалоге можно приписать **перволичным ссылкам на иррациональную веру**, которые представляют собой случай проявления такого «эпистемического авторитаризма» (И. Ф. Ухванова-Шмыгова), при котором говорящий прекрасно осознает и вербально подчеркивает, что его мнение находится в ранге веры, а не знания, абсолютно убежден в своей правоте и не допускает возможности существования другой точки зрения, по крайней мере для самого себя: ***We believe that trying to do that should be banned. No question*** – финальная часть данного примера, представленная в форме *No question* ‘безоговорочно / безусловно / без возражений’ не просто сигнализирует об отсутствии сомнений со стороны говорящего относительно истинности своего суждения, но и фактически демонстрирует его некоторое пренебрежение позицией окружающих, нежелание обсуждать альтернативные взгляды.

Конечно, подобные контексты представляют собой довольно редкое явление в научном диалоге, а их появление, обусловленное полемической и экспрессивной природой научной дискуссии, не столько противоречит принципам конструктивного общения, сколько разнообразит речевое взаимодействие, выделяет научный диалог из ряда других жанров научного дискурса, делает его особым видом общения в пространстве научной коммуникации.

Помимо перволичных апелляций к иррациональной вере, к максимально категоричным можно отнести и *ссылки на веру, имеющие императивную семантику* (*А я могу сказать: не верьте тому, что говорит Пётр. Вся болтовня по поводу того, что называется схематизацией, в ММК ещё абсолютно не прописана*), а также высказывания с эмфатически выделенным эпистемическим предикатом, например, с помощью глагола *do* в английском языке: *Yeah. I just have a gut-level feeling – it's not an analytical feeling – that maybe we should ask you to think about adding another factor of 10 or something for protection. I'm just a little bit concerned about the neurotoxicology of toluene. And I do believe this is permanent damage, you know, the color vision.* Совершенно очевидно, что функция глагола *do* в приведенном примере сводится к интенсификации значения следующего за ним глагола *believe* и, соответственно, к приданию высказыванию более категоричного, настойчивого характера.

Ссылки на веру могут управлять категоричностью общения и в обратном направлении, то есть не усиливать, а *смягчать резкость высказывания*. Это прежде всего относится к сообщениям с модусом веры-мнения, в которых модусная рамка функционирует в качестве парентетической вставки, особенно используемой в конце фразы: *Now, an implication that comes out of my distinction between the mild and the strong interpretations is a message for leaders of religious faith communities, I believe.* Как видно, высказывание запланировано в качестве неверифицируемой пропозиции, что способствует интерпретации реплики как сообщения о мнении или знании. Однако модусная рамка (*I believe*) в конце фразы позволяет увидеть истинное ментальное состояние (состояние веры-мнения) автора реплики. Прием отложенной экспликации модуса создает впечатление неуверенности / хезитации или некоторой растерянности, которую испытывает говорящий относительно сообщаемой информации, а также относительно своего эпистемического статуса. Использование модусной конструкции в конце сообщения может быть истолковано не только как проявление слабости позиции выступающего, но и как маркер осторожности, предусмотрительности, заботы об интересах адресата, стремления к согласию, признание возможности другой точки зрения, следствие необходимой при кооперативной коммуникации эпистемической корректности. В любом случае высказывания с парентетическими модусными включениями следует квалифицировать в качестве средства смягчения / деинтенсификации категоричности коммуникации, позволяющее избегать конфликтных ситуаций.

В русскоязычной научной дискуссии случаев отложенной экспликации модуса веры обнаружено не было.

3. Характер общеоценочной маркированности.

В научном диалоге многие высказывания с пропозициональной установкой веры имеют оценочную семантику. Не претендуя на инвентаризацию всех оценочных значений, которые способны транслировать контексты с семантикой веры, отметим, что в самом общем плане последние можно разделить на позитивно- и негативно-оценочные.

Позитивно-оценочные контексты ориентированы на выражение положительного отношения к объекту оценки, на демонстрацию одобрения, согласия с чем-либо или кем-либо, например: *I am a great believer in social learning but I never knew why*. Включение *I am a great believer* показывает, что говорящий является адептом теории социального обучения (*social learning*) и, таким образом, имплицитно оценивает ее в позитивном ключе, несмотря на свою неспособность привести приемлемые аргументы в поддержку упоминаемой теории (эта неспособность конкретизирована в виде уточнения *I never knew why*, которое, помимо прочего, позволяет отнести веру, представленную в данном контексте, к разряду иррациональной).

Объектом позитивно-оценочной веры может быть не только конкретная теория, но и самые разные аспекты исследовательской и познавательной деятельности ученых, например:

– *Если проблема обсуждается, то есть вера в то, что она будет решена* – где объектом позитивно-оценочной веры является высокая вероятность решения проблемы в условиях ее активного обсуждения, а ссылку на веру следует рассматривать в качестве маркера согласия с необходимостью поднимать и всесторонне изучать различные научные вопросы;

– *Physicians also refuse practices that they believe are ethical in some cases but not in the case at hand. For example, I believe it is ethically permissible to sedate dying patients to the point of unconsciousness if the intended and direct effect of the sedation is to relieve distressful symptoms that are refractory to other treatments* – где объектом позитивно-оценочной веры является утверждение о необходимости оказания умирающим пациентам паллиативной помощи в максимально полном объеме с целью облегчения их состояния и т. д.

В свою очередь, **негативно-оценочные высказывания** направлены на выражение отрицательного отношения к анализируемому объекту, на манифестацию неодобрения или несогласия с кем-либо или чем-либо, например: *Здесь собрались люди не с телевидения*

(не просто покричать), а люди с университетским образованием или обучающиеся в университете. Самое главное отличие ваше – умение думать и анализировать, **а не верить всевозможным байкам**, распускаемым разными людьми. В данном случае объектом негативной оценки является не теория или точка зрения, а конкретное лицо, точнее – группа лиц («люди с телевидения»), а ссылка на их веру создает ироничное звучание и косвенно указывает на отсутствие у них склонности к анализу, то есть фактически используется как способ дискредитации представителей медийного мира (*верить всевозможным байкам*). Как видно, в подобных контекстах с семантикой упрека / неодобрения / иронии субъект веры и объект оценки обычно совпадают, то есть являются одним и тем же лицом (ср.: *If physicians are required to refer patients to abortionists – to those who provide abortions – when requested, **those who believe** that such referral makes them complicit in a gravely immoral action will have to quit* – в данном примере субъектом веры и одновременно объектом оценки являются медицинские работники (*those who believe*), которые считают направление пациента к абортонисту серьезным аморальным поступком со своей стороны: такая позиция подвергается жесткой критике со стороны говорящего (*those who believe <...> **will have to quit***).

Интересно отметить, что в англоязычном научном диалоге субъект и объект веры (и, соответственно, объект критики) часто не совпадают. В этом случае речь идет не столько о вере, сколько о неверии (которое можно рассматривать как разновидность веры). Так, в следующем примере субъект веры (неверия) носит коллективный характер, а ее объектом (и, следовательно, и объектом негативной оценки) признается конкретная медицинская практика, а именно практика учета онкомаркеров в диагностике соответствующих заболеваний: *Now, let me tell you the bad news. Number one, there used to be a time when people thought that there were magic markers that you could use to say, "This person's got cancer". **We don't believe that any more.***

Таким образом, субъектно-объектные отношения в контекстах с семантикой оценочной веры могут быть как симметричными (в ситуации совпадения субъекта и объекта веры), так и асимметричными (при несовпадении субъекта и объекта) в зависимости от оценочного вектора высказывания.

4. Акцентирующие возможности.

Ссылки на веру можно рассматривать в качестве акцентирующего средства, выделяющего значимую для автора реплики информацию. Особенно это касается ссылок на веру с синтаксически

обособленными модусными вставками, прежде всего парентетическими, использование которых является необычным для научного диалога приемом комментирования информации, смещающим акценты, переключаящим фокус внимания адресата с диктумного содержания на отношение аргументатора к сообщаемому: *In your discussion of the pro-life woman with, **I believe**, pulmonary hypertension – was that the issue, the health issue?* В данном случае модусная вставка (*I believe*) прерывает гладкий поток речи и привлекает особое внимание к ментальному состоянию говорящего.

Акцентуирующие свойства высказываний с модусом веры обусловлены не только синтаксически обособленным, в том числе и парентетическим, статусом модусных включений, но и другими причинами: прежде всего, эмоционально-оценочной окрашенностью эпистемических лексем тематической группы «верить / вера», а также достаточно редкой встречаемостью в научном диалоге ссылок на веру, в связи с чем уже сам факт их появления в научной речи способен дополнительно вызывать интерес к сообщаемому (*В научной и образовательной среде Моисеев был высшим нравственным авторитетом. Он никогда и никому не продавался. У него была одна **Вера** – наука, одна богиня – Истина*).

Акцентуирующий характер ссылок на незнание может быть усилен за счет различных синтаксических или лексических средств, например слов-интенсификаторов разного порядка наподобие *очень, ведь, искренне, really, personally*, эмфатического *do*, вводных слов *конечно, certainly* и т. д., которые служат для смыслового подчеркивания, выделения компонента высказывания с определенной целью: *But I would remind you that that may be – we could raise at least a prima facie question about that because **many of us believe** – **I certainly believe** – that one of the things that we promise when we make this collective, public promise is <...> that I have made a promise as a physician to potentially risk my life to serve the patient.* В приведенном примере в качестве единиц, интенсифицирующих значение глагола *believe*, следует назвать местоимение *many* и наречие *certainly*, позволяющие адресату задержаться на определенной информации, сосредоточить на ней особое внимание.

Из сказанного можно заключить, что в научном диалоге практически любая ссылка на веру характеризуется выделительными свойствами, степень интенсивности которых зависит как от общего контекста высказывания, так и наличия / отсутствия дополнительных маркеров категории акцентности.

5. *Выразительные свойства.*

Выразительность / экспрессивность часто рассматривается как родовое понятие по отношению к оценочности, эмоциональности, акцентности и т. д. [7, 8 и др.], то есть трактуется как «зонтичная», интегративная категория, охватывающая целый ряд качеств и признаков, которыми обладают языковые средства или речевые явления.

Соответственно, мера экспрессивности высказываний с модусом веры детерминирована степенью проявления свойств, описанных выше. Совершенно очевидно, что чем более акцентный или эмоционально-оценочный характер имеет реплика, тем более экспрессивной она является. Следовательно, большей выразительностью обладают ссылки на иррациональную, субъективную веру, значительно маркированные с точки зрения самых разных экспрессивных параметров, ср.:

Сейчас никто ни во что не верит, это время цинизма. Но, с другой стороны, в этом есть некоторый шанс.

Достаточно высокая степень экспрессивности приведенной ссылки на веру (точнее – на неверие) определяется несколькими факторами, в частности субъективным характером веры, негативно-оценочным характером контекста, интенсивностью проявления категоричности и акцентности высказывания (обусловленной использованием приема тройного отрицания) и др.

Из всего вышесказанного можно сформулировать следующие выводы.

1. В научном диалоге ссылки на веру всегда эмоционально окрашены. Наибольшей эмоциональной окрашенностью обладают высказывания, содержащие дополнительные эмоционально-оценочные компоненты (эмоционально-окрашенную лексику или синтаксис). Такие реплики характеризуются слабыми (для научного дискурса) аргументативными свойствами, но демонстрируют высокую степень эмоциональной вовлеченности говорящего в диалог.

2. Ссылки на веру являются действенным средством регулирования категоричности высказывания, поскольку могут как усиливать, так и смягчать ультимативный тон сообщения (в зависимости от положения модусной рамки с предикатом *верить* / *believe* в структуре высказывания, а также с учетом иллокутивной функции ссылки на веру).

3. В научном диалоге ссылки на веру часто носят аксиологический характер, то есть ориентированы на выражение положительного или отрицательного отношения к определенному положению вещей. Объектом такой веры становятся как профессиональные аспекты

деятельности ученых, так и аспекты изучаемой ими действительности. И в том, и другом случае ссылки на веру часто используются как способ выражения согласия / несогласия с кем-либо или чем-либо.

4. В изучаемом типе коммуникации любая ссылка на веру обладает акцентуирующими свойствами (служит средством привлечения внимания к сообщаемому), поскольку изначально является чужеродным элементом в структуре научного диалога, появление которого вызывает дополнительный интерес адресата к высказыванию говорящего. Если в состав ссылки на веру входят и другие средства привлечения внимания к сообщению, то ее акцентуирующие свойства усиливаются еще больше.

5. Таким образом, использование в научном диалоге ссылок на веру позволяет сделать речевое взаимодействие более ярким, динамичным, выразительным. То, насколько уместно и тонко говорящий ссылается на веру, безусловно, оказывает воздействие на собеседника, на эффективность общения в целом, в связи с чем апелляции к вере можно рассматривать в качестве исключительно ценного и сложного в прагматическом плане явления, воплощающего в себе целый ряд приемов (акцентуации, регулирования характера категоричности высказывания и проч.), оказывающих влияние на ментальную и эмоциональную сферу адресата, усиливающих экспрессивный фон коммуникации.

Список использованной литературы

1. Балашова, Е. Ю. Номинативная плотность лингвокультурного концепта ВЕРА/FAITH в русском и английском языках / Е. Ю. Балашова // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2010. – № 2 (10). – С. 92–98.

2. Тимошевская, Т. А. Специфика вербализации концепта «вера» средствами русского и английского языков / Т. А. Тимошевская // Культурная жизнь Юга России. Краснодар : КГУКИ, – 2009. – № 3. – С. 138–140.

3. Талапова, Т. А. Концепт «Вера/Неверие» в русской языковой картине мира: история становления и межкультурные связи / Т. А. Талапова // Современные гуманитарные исследования. – М., 2008. – № 3 (22). – С. 117–123.

4. Арутюнова, Н. Д. Лингвокультурологические исследования. Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах / Н. Д. Арутюнова, М. Л. Ковшова. – М. : Гнозис, 2018. – 846 с.

5. Задворная, Е. Г. Эпистемика научного дискурса в культурной ситуации постмодерна / Е. Г. Задворная // *Respectus Philologicus*. – 2003. – № 3. – С. 7–16.

6. Васильев, Л. М. Семантические классы глаголов чувства, мысли и речи / Л. М. Васильев // *Очерки по семантике русского глагола*. – Уфа, 1971. – С. 38–310.

7. Крючкова, Т. М. Понятие экспрессивности в современной лингвистике / Т. М. Крючкова // *Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета*. – Серия. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2006. – С. 48–51.

8. Коваленко, Г. Ф. Когнитивный подход к изучению термина «экспрессивность» / Г. Ф. Коваленко // *Инновационная наука*. – Уфа, 2015. – № 5. – С. 80–83.

УДК 821.161.1-311.6

O. A. Lidenkova

THE FUNCTIONS OF A HISTORICAL NARRATIVE IN CONTEMPORARY FICTION

The article is devoted to a comparative study of the changing tendencies in the ways the key moments of national history are depicted in the works of contemporary British and Belarusian authors. The study is based on the works by H. Mantel, P. Akroyd, L. Daineko, L. Rublevskaya, Z. Kaminskaya. The article identifies the patterns of evolution of character types among writers of different generations. The idea of the cyclical development of history is used as a way of social commentary on contemporary social trends, for which history provides a much broader context and creative freedom. This is the reason, why the style of historical fiction of the recent decades is often defined as “allegorical realism”. At the same time the idea of history as a spiral, the way this idea is reflected in the texts, reveals the most acute traumatic episodes of the national past in the collective consciousness.

Keywords: contemporary prose, historical fiction, motive, social commentary, myth, ethnic stereotypes.